

* * *

Беспокойное лето уйдет, как всегда, безвозвратно,
Оставляя в душе, как в осеннем пруду на плаву,
Неудач и побед разноцветно-безликие пятна,
Но ничуть не меняя судьбы круговую канву.

Просто в каждой судьбе есть пороги и есть перекааты,
На которых она вдруг такой начинает разбег,
Что, вот кажется: миг, и душа полетит в необъятный
И сияющий мир, где швартуется райский ковчег.

Опрокинувшись вниз, где, блеснув молодым перламутром
И откашлявшись пеной от лопнувшей сходу мечты,
Замыкается в русле – таком неглубоком и мутном,
Что всю душу заполнит печаль человеческой тщеты.

Только годы спустя, пропетляв по бескрайней равнине
Вдоль медовых лугов, где вольготно пасутся стада,
Наберет глубину, берега понемногу раздвинет,
Обретая прозрачность до самого дна. И тогда

Все житейские бури вдруг станут просты и заняты,
Как тот ветер, что в пруд набросал расписную листву.
Да и образы тех, кто уже не вернется обратно,
Снова явятся в снах – так же буднично, как наяву...

* * *

Зацветает кустарник отнюдь не в течение лета,
А лишь после сентябрьских внезапных и злых холодов.
Но ему невдомек, что цветение позднее это
Неспособно родить ни пыльцы, ни семян, ни плодов.

Есть неладное в том, что в саду посреди увяданья
На холодной земле умирает нетронутый цвет.
И зачем я стою на далеком краю мирозданья,
Отрешенно глядя уходящему облаку вслед?

Видно, долго еще мне бродить по заброшенным весям,
Все стараясь найти разорвавшее время звено
И порой возводя вопросительный взгляд в поднебесье:
Может, в нем притаилось несущее смысл зерно?

Видно, долго еще, доживая ненужные годы,
Сухостоем маячить среди живописных красот.
Но придут времена и поднимутся горькие воды,
И нахлынувшим валом кривую корягу снесет.

* * *

Плесенью пахнет сырая вода,
Больше она не уйдет никуда.
Мимо устроенной в склоне ложбины
Мерно проходят дожди и года.

Капли по веткам неслышно снуют,
Молча стекают в заиленный пруд.
Павшей листвы потемневшие кучи –
Летнего солнца последний приют.

Выше по склону посадок не счесть.
Видимо, было имение здесь.
Вишен и яблонь уж нет и в помине,
Но согревает из прошлого весть.

Долго не нужно ходить под дождем,
Чтобы представить усадебный дом.
Возле него, невзирая на тучи,
Даль глубока и широк оком.

Жившие здесь, в отдаленном имении,
Во вдохновении ведали толк.
Нынче, в рассеянном недоумении,
Изредка бродит непуганый волк.

Пусто и холодно в плоской долине,
В поле скучают репей да осот...
К бедной могиле на дальней чужбине
Белый цветок иноземец несет.

* * *

При переходе осени к зиме
Растет трава, но ввысь уже не рвется.
Она струится, стелется и вьется.
У ней уже другое на уме.

Кустарник не отбрасывает тень.
И, несмотря на влажную погоду,
Совсем уже не впитывает воду,
Предпочитая мокнуть целый день.

В стоящей неподвижно тишине
Лишь изредка перелетает птица;
Она уже нисколько не таится,
Бесхитростно усевшись на сосне.

И человек, бредущий по тропе,
В движениях и робок, и неточен.
Он лишь на том одном сосредоточен,
Что невозможно высказать в толпе.

И, открываясь в млечной полутьме,
Пейзаж окрестный им очеловечен.
И оттого он так же в мире вечен,
Как переход от осени к зиме.